

ПОСЫЛКА С ТОГО СВЕТА

1

КАКАЯ ВКУСНАЯ РУКА...

Ха!

Да не дергайтесь вы так. Кто дергается — из того топор вынимают, не слышали?

Там, откуда я родом, только так и говорят. И, уж поверьте, никто не верещит, как вы, покуда в руках оживает книга. Возможно, покупая меня, вы рассчитывали провести пару вечеров, попивая чай и похохатывая. Отчего ж не похохотать, коль речь пойдет о жутком городке под названием Зажуйск! Месте настолько проклятом, что даже ночные мверзи облетают его стороной.

А вы на что рассчитывали? Заполучить книжицу, которая лежит как промерзшая колода? Но вам достался старина Черномикон. Видать, довелось заглянуть в один из этих антикварных магазинчиков, что на развес торгуют ядами и продают рецепты сильнодействующих убийств.

Что, не верите? К примеру, сербского вампира может остановить только такой рецепт. Берете, значит, бумажку с именем вампира, плюете на нее три раза, а опосля накалываете ее на старые вилы. Затем шьете сердце из льна. Оно для жертвы вампира. Что дальше? О, нет-нет, я такие тайны задарма не раздаю.

Чего замерли? При знакомстве надо бы пожать руку. Смелее, я не кусаюсь...

Хох!

Довольно вкусная и быстрая ручонка — всего-то на пару укусов. Но хватит ли у нее смелости переворачивать листы?

Я расскажу вам о парочке ребят из глубинки. Да-да, это они вляпались в ту неприятную историю с бюро. А неприятного там как в жуках, что ползают по моим страницам. Один как раз перебрался на вашу руку...

Ха!

Вы прекрасно визжите. Да, мы определенно подружимся.

Кто знает, когда это было. Может, еще только случится. Или же прямо в эту секунду Слава и Булат преследуют демона с мешком, из которого на Зажуйск и обрушились его первые беды. Хех.

Итак, дело было в Зажуйске...

2

СЛАВА С ИСПУГОМ СМОТРЕЛ на курганы.

Земля в этом месте была неприятной и влажной, будто собранной из кусков сырой глины. Дрожа всем телом, он зашагал в сторону ближайшего кургана. Ноги поскальзывались на «кусках», из которых состояла почва. Слава уже знал, что бредет по насыпи из небольших тел. Из таких же «фрагментов сырой глины» состояли и сами курганы.

Животные.

Курганы выстилали тела домашнего скота. Сейчас это были овцы с черными языками и свалявшейся шерстью. Овечьи башни тянулись до самого горизонта, уродуя и без того жуткий пейзаж.

Пробираясь вперед, Слава тихо скулил. Он остановился у кургана, вершину которого венчали коровьи рога. Они выглядели нелепой рогатиной на фоне тускло-розового неба.

— Покажись! — крикнул Слава.

На вершине кургана началось движение. Коровья туша заскользила вниз. Сперва неторопливо, потом все быстрее, перелетая через выступы из овечьих голов и вспарывая рогами шкуры, наполненные холодными внутренностями.

Через несколько секунд корова шмякнулась у ног парня.

Слава поднял глаза, внимательно изучая склон из неподвижных овец. Курган безмолвствовал, словно горная вершина, решившая, что на сегодня хватит и этой крошечной лавины.

Корова тяжело дышала. Потом ее туша лопнула, как раздавленный черничный пирог. Наружу выбралось отталкива-

ющее существо, державшее за спиной огромный холщовый мешок. Мерзко улыбаясь, существо достало из мешка миску.

На дне ее перекатывались ослепительно-белые рисинки.

Ужас охватил Славу, полностью погасив его гнев. В горле заклокотал крик.

Демон встряхнул миску, и рисинок стало больше. Еще одно движение — и емкость заполнило наполовину. По курганам прошла незримая волна, размыкая слипшуюся плоть. Теперь она расплзалась грязной лавиной, подобно сгнившим блюдам на столе великана.

Чудовищный мир курганов рушился, теряя очертания.

Продолжая стонать, Слава неосторожно взмахнул рукой.

Липшая к телу простыня с треском разорвалась.

Это окончательно пробудило его. Пугающее сновидение таяло под лучами июньского солнца, наполнявшего библиотеку мягким желто-зеленым светом. Слава перебрался на пол и пошлепал к своему столу. Ради этого пришлось покинуть секцию «Философия: эзотерика и оккультизм», где он спал на раскладушке, окруженный дешевыми трактатами о мистических учениях.

Стол находился в читальном зале. Здесь на стене, рядом с календарем пятилетней давности, висели десятки рисунков.

Все они изображали тварь из кошмара.

Слава быстрыми штрихами набросал новый эскиз существа с мешком. Тонкий безгубый рот. Безволосая голова. Крупные черные глаза. Долговязое тело, как у классического пришельца.

И отвратительный мешок.

Минут через пятнадцать набросок был готов. Слава подписал его, как и прочие: «*Мешочник*». Он был уверен, что вышел на убийцу Кануна. Точнее, установил с ним что-то вроде ментальной связи. Десять лет назад, когда Славе было всего четырнадцать, он увидел его впервые.

И тоже во сне.

Мешочник вернулся. Хотя в сновидениях, хоть спустя десять лет, но вернулся. Слава уронил голову на руки. Посмо-

трел на тяжелый черный фолиант, громоздившийся среди карандашной стружки и тетрадей. Еще одна загадка. Только куда более реальная.

Вчера утром к дверям городской библиотеки Старого Зажуйска принесли посылку. Слава уже давно ночевал в библиотеке, поэтому стал свидетелем рождения тайны. Неизвестный три раза постучал в дверь и скрылся. На порожке библиотеки лежала посылка. Под коричневой крафтовой бумагой, перетянутой бечевкой, Слава обнаружил конверт, папку с документами и огромную книгу.

Он решительно подвинул ее к себе.

На обложке из потемневшей кожи было вытравлено всего одно слово: Chernomicon. Необычное и довольно абсурдное название. Сам фолиант был тяжелым, как и полагается старинным книгам. Распахнув его, Слава ощутил трепет. Желтоватые страницы оказались пусты.

Но так ли это на самом деле?

Вооружившись карандашом, Слава вывел сегодняшнюю дату:

2 июня, вторник

Секунд через пять надпись пропала. Слава поджал губу и продолжил писать.

Демон, я тебя ненавижу! Покажись!

Где ты?

Что ты такое?

Эти слова тоже исчезли, будто их и не было.

Слава был уверен, что написанное не впитывается, а *счищается*. Ему казалось, что страницы Черномикона содержат свой собственный текст — который попросту не способен сосуществовать с другим.

Помотав головой, Слава попробовал еще раз.

У меня что, поехала крыша?

Этот вопрос, к его обиде, продержался чуть дольше остальных.

Папка с документами и конверт лежали здесь же, рядом с органайзером с ручками и карандашами. Слава вытянул из конверта таинственное послание. Черная бумага была тонкой, как кожица персика, но при этом необычайно прочной. От белых каллиграфических букв у Славы опять заслезились глаза.

Дорогой С!

Мы знаем, как ты не любишь свое настоящее имя, поэтому взяли на себя вольность задействовать из него лишь одну букву. Если ты уже заглянул в документы, то хорошо представляешь возложенную на тебя задачу.

Мы очень дорожим этой книгой и надеемся, что она послужит тебе так же хорошо, как и нам. В нужный момент просто доверься ей. Зовут эту книгу Черномикон, и мы будем признательны, если ты будешь относиться к нему с должным почтением.

Найми второго и последнего работника бюро. Точнее, сообщи ему о том, что он уже нанят. Информацию о напарнике ты найдешь в документах. Мероприятие, в котором вы будете участвовать, рассчитано только на двоих. Оно гарантирует пользу для общества и желанные ответы.

Засим мы прощаемся и надеемся на скорую встречу.

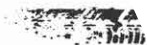
Ваши Н.

P. S.

Не забудь взять ключи, чтобы не возиться с дверьми.

Прежде чем убрать послание, Слава вытряхнул из конверта ключи. Открыл папку. Там лежали приличествующие случаю юридические бумажки. Они утверждали, что на имя Славы и «второго работника» открыто бюро с издевательским названием.

— «Канун». Кто-то назвал бюро «Канун», — рассеянно забормотал Слава, перебирая документы. — Даже мое настоящее имя знают. Может, они знают и о Мешочнике?

Мешочник с эскизов глумливо скалился.

Слава скорчил в ответ гримасу и вернулся к бумагам. В качестве учредителя бюро значился «Ваши Н». Слава некоторое время размышлял, не является ли слово «Ваши» именем. Впрочем, оно могло быть и обычным притяжательным местоимением во множественном числе.

Он еще раз взглянул на устав бюро «Канун». Сердце парня забилось быстрее. Бюро, если верить бумагам, должно было противодействовать *паранормальным нарушениям*. Сюда входили как массовые потусторонние вмешательства, так и единичные случаи вмешательства порождений нечеловеческого порядка.

Это даже звучало бредово — но Славе нравилось.

Если Мешочник вернулся — если он вообще существовал, — то Слава с этим вторым работником отыщут образину и вздернут на его же мешке. Прежде чем пойти умываться, Слава еще раз заглянул в документы.

Господи, а у этого второго работничка имя тоже хоть куда.

3

БУЛАТ ВЫГЛЯНУЛ В ОКНО. По какой-то причине на Овражной всегда стоял туман, да такой густой, что на эту улицу Старого Зажуйска не заглядывали посторонние. Над дымкой плавала синева намечавшегося летнего дня, и Булат решил, что конкретно ему этого вполне достаточно. Вдобавок с кухни вкусно пахло жареным тестом.

— Че там, ба? Бляны? — насмешливо крикнул Булат.

Он резко обернулся, вскидывая руки, как боец, ожидающий нападения из засады. Однако Агапья не возникла за спиной, как это бывало, когда она хотела напомнить внуку о «хороших словах». Булат подозрительно оглядел свою комнату. Нет, вряд ли дорогая бабуля пряталась за шторой. Булат взял скоростную скакалку. Комнату заполнил свист.

Через пятнадцать минут Булат, отложив скакалку, снова крикнул:

— Ну че там, ба? Неужоль опять бляны?

С кухни не доносилось ни звука. Сходя в душ, Булат встал у зеркала. Вооружился расческой и феном. Создал волосам нужный объем, закрепил его с помощью специальной помадки. Подмигнул Элвису и Цою с плакатов на стене. Из зеркала смотрел поджарый парень с янтарными радужками. Выражение лица говорило о затаенной брезгливости — совсем как у кумиров. Черные волосы образовывали классическую стильяжью прическу, какую обычно носил король рок-н-ролла.

— Только не танцуй, не нарушай стиль, бро, — прошептал Булат.

Не удержавшись, он сделал оборот вокруг своей оси и вскинул руки, подхватывая воображаемый микрофон.

На кухню Булат вошел в одних джинсах. На столе дымились блины. Агапья по своему обыкновению стояла в углу за печью, сливаясь с тенями.

— Привет, ба, — бросил Булат, усаживаясь за стол.

Как только он взял вилку, на его затылок обрушилась крепкая старческая ладонь.

— Это тебе за «бляны», — сообщила Агапья. Она все-таки появилась за спиной. — Ишь чего удумал: родной язык коверкать.

— Да, ба, прости. Просто хотел разгадать твои особые таланты, понимаешь?

— Ну и как? Разгадал?

— Я в процессе, ба, в процессе, — промычал Булат с набитым ртом и замер.

Тарелки были полностью белыми.

После Кануна в городе не жаловали белую посуду. Ели и пили из зеленой, черной, даже на свадьбы ставили красную. Какую угодно — но только не белую.

— Ба, че это? Опять началось? — Булат оглядел пустую кухню.

Агапья исчезла. Только угол у печи, где она стояла, немало посветлел.

Булат пожал плечами и взял свежий выпуск «Глубинного вестника». Почту на Овражную больше не доставляли, но свежая пресса все равно откуда-то появлялась.

На передовицу поместили начало статьи под названием «Старые кости нового Кануна». Некто под псевдонимом Соломат сообщал о новых жертвах. Белая посуда с ослепительно-белым рисом обнаружилась в одной из высоток Нового Зажуйска. Разумеется, рядом с истерзанными жертвами.

Булата пронзило неприятное воспоминание: как он десять лет назад упал с мотоцикла перед въездом на Овражную. Ему было всего четырнадцать, но для подростка из Старого Зажуйска гонять на мотоцикле так же естественно, как дышать. Улицу озаряли проблесковые маячки служебных машин. Обычно жертвами Кануна становились одиночки, в редких случаях — семьи.

Но никогда — целые улицы.

Не чуя под собой ног, Булат добежал до своего дома. Агапья убирала мусор. Сметала в совок черепки белой миски и ослепительно-белые рисовые зерна. Как будто в дом заглянула и убралась несолоно хлебавши Смерть, получив отпор от суровой бабки Булата.

С тех пор они с Агапьей проживали на улице вдвоем.

Не исключено, что Соломат из «Глубинного вестника» просто нагонял жути. Вряд ли такая беда, выкосившая почти треть населения Зажуйска, могла вернуться. Однако Булат чувствовал, что это возможно. Хотя бы потому, что земля опять издавала какой-то неприятный протяжный гул. Этот гул звучал десять лет назад.

И тоже на рассвете и закате.

Закончив завтракать, Булат крикнул:

— Ба, ну ты где? Хочу обнять! Твои... блины умаслили меня, ба! Видишь, твой внук следит за языком!

Дом казался пустым. Булат поднялся из-за стола и похлопал себя по животу. Однако хозяйка отсутствовала, чтобы оценить этот жест благодарности. Он покрался в коридор и там повернул налево, направляясь к комнате Агапьи.

Очередной подзатыльник настиг его на пороге.

— Я тебе что сказала? — Агапья была рассержена.

— Никаких носов, у каждого своя комната, — послушно перечислил Булат. — Да, я помню, ба. Как ты это делаешь?

— Что именно?

— Почему я тебя не слышу? Я как кот, бегающий за пятнышком от лазерной указки.

Лицо Агапьи сделалось суровым. Янтарные глаза мерцали.

— Никто меня не поймает, покуда в моей помощи нуждается внук.

— Ну, этим ловцам придется несладко, ба.

Потирая затылок, Булат направился к себе. Перед глазами стоял образ тщательно заправленной кровати с башенкой из двух подушек. Точно так же все выглядело и неделю назад. И месяц. Словом, всякий раз, когда Булат пытался заглянуть в комнату Агапьи, он видел одно и то же. Жесткий порядок.

— Хоть бы вид делала, что кровать расстилает, — проворчал Булат.

Одевшись и захватив косуху, он вышел во двор и вывел из гаража черный «Урал». На щитках и бензобаке мотоцикла тут же осели капли тумана. Булат оглядел улицу. Грунтовая дорога, пролежавшая через Овражную, уводила к лесу, казавшемуся темной размытой линией в молочном дыму.

У заброшенного дома Гавриловых стояла тень. Она возилась с почтовым ящиком.

— Эй, привет! — Булат помахал рукой. Он уже сидел на мотоцикле, сняв его с подножки. — Вы новенькие?

Тень не ответила.

Булат прислушался. Земля извлекала из себя неприятное пустое гудение. Булат вдруг обнаружил, что тени заполнили всю улицу, рассеявшись у домов, словно провожая или встречая кого-то. Тени вибрировали в такт подземному гулу, как серо-черная гирлянда.

— Ну что, внучок, в добрый путь, в добрый час.

У мотоцикла стояла Агапья. Булат растерянно завертел головой, пытаясь понять, откуда она взялась.

— Ба, ну ладно. Как ты это делаешь?

— Много будешь знать — станешь как я.

— Бабулей с жесткими подзатыльниками?

Булат не дал ей ответить. Он развернулся и обнял ее. На мгновение руки смяли Агапью, как большой пакет, набитый воздухом. А потом что-то запульсировало и затрепетало, разжимая руки.

— Мне же больно, дурень! — прошипела Агапья.

Булат послушно отпустил ее.

— Так я ж любя, ба, — с обидой сказал он. — Давно не обнимал тебя.

— А что ж тогда мнешь, как пудового мужика!

Сам Булат был уверен, что стискивал дорогую бабюлю нежно, помня о ее хрупких косточках. Он облокотился на руль и с любовью посмотрел на Агапью.

— А чего вышла, ба?

— Пару слов тебе сказать.

— Хорошо хоть, не пару ласковых.

— Сегодня будет один раз. А потом еще один — уже последний.

Булат нахмурился:

— Ты что, укропа объелась, ба?

— Верь ему.

— Да кому, ба?

— Мальчику со странным именем, похожим на твое.

— Да хрен там. Булат только один. — Он заглянул в боковой кофр и сунул туда руку. — А хочешь, прокачу с ветерком, ба?

Агапья не ответила.

Булат беспомощно уставился на пустое место, где только что стояла его бабка. Потом хорошенько пошерудил рукой в кофре и выудил аудиокассету с надписью «Дорожный микс XIV». Булат мотнул головой, но так и не вспомнил, что за песни на кассете.

Он вставил ее в магнитоу, вмонтированную в рулевую колонку под приборами. Магнитола имела адаптер Bluetooth, но Булату нравилось шипящее и плоское звучание аудиокассет, напоминавшее теплый шум. Движок «Урала» ожил, а фара мотоцикла ярко вспыхнула, разгоняя жидкие клочья тумана. Динамики мотоцикла исторгли мощный рок с элементами рок-н-ролла.

